

МЕРТВЫЕ ЛЮБЯТ ВСЕЙ ДУШОЙ

ДАРЬЯ КОРЯКИНА

Дарья Корякина

Мёртвые любят всей душой

«Автор»

2026

Корякина Д.

Мёртвые любят всей душой / Д. Корякина — «Автор», 2026

Когда мертвые возвращаются, мир принимает это за чудо. Они сохраняют память, разум и любовь — но существует условие: жить они могут лишь до тех пор, пока их любят живые. Ева получает невозможное — погибший муж Михаил снова рядом. Однако вскоре любовь превращается в аппарат жизнеобеспечения: стоит Еве отдалиться, испытать гнев или на мгновение почувствовать себя счастливой без него, тело Михаила начинает разлагаться. Одни возвращенные удерживают близких беспомощностью, другие — виной, тиранией или безупречной заботой. И чем совершеннее их любовь, тем труднее отличить искреннее чувство от борьбы за выживание. Пытаясь спасти Михаила, Ева должна ответить на страшный вопрос: можно ли любить умершего и все-таки выбрать жизнь? И хватит ли ей сил убить его снова — не из ненависти, а потому, что она любит его всей душой? «Мертвые любят всей душой» — психологический хоррор о горе, созависимости и любви, которая отказывается отпускать.

© Корякина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Возвращенные	5
Глава 1. В прихожей	6
Глава 2. Ничем не отличаются	8
Глава 3. Центр совместного горя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дарья Корякина

Мёртвые любят всей душой

Часть первая. Возвращенные

Любовь не возвращает мертвых.

Она не дает им уйти.

Глава 1. В прихожей

Михаил вернулся в четверг, в 5:17 утра, и первым делом вытер ноги.

Ева проснулась не от звонка, а от знакомого движения за дверью: два коротких скребка подошвой о коврик, пауза, еще один. Так он входил домой двенадцать лет — зимой, летом, пьяный после свадьбы Марка, мокрый после пробежки, с пакетами, которые всегда рвались возле лифта.

Так не мог входить человек, которого она похоронила четыреста три дня назад.

Ева села в кровати. Дом молчал. За окном февральский снег летел почти горизонтально, и желтый свет фонаря дробился на стекле.

Снова движение. Потом ключ коснулся замка снаружи.

Ключ не вошел: Ева сменила личинку через неделю после похорон, потому что старый ключ лежал в кармане куртки Михаила, возвращенной из морга в прозрачном пакете.

— Ев, — произнесли за дверью. — Ты дома?

Она встала. Тело не знало, что он умер. Оно уже узнало голос и послало к двери кровь, тепло, прежний страх опоздать к любимому.

— Кто там?

Снаружи долго не отвечали.

— Я не знаю, как сказать так, чтобы ты открыла.

Ева подошла к глазку.

Михаил стоял на площадке в темно-синем пальто, в котором его хоронили. На левом плече таял снег. Волосы отросли чуть длиннее, чем в день смерти. Лицо было его — не похожее, не восстановленное памятью, а именно его: переносица с едва заметным следом старого перелома, темная точка у виска, привычно прикушенная изнутри щека.

Он смотрел не в глазок. Чуть ниже. При жизни Михаил всегда знал, где находится камера домофона, датчик, чужой взгляд. Теперь ошибся на четыре сантиметра.

Ева прислонилась лбом к двери.

— Ты умер.

— Да.

Ответ прозвучал без удивления и без просьбы поверить.

— Я видела тебя.

— Знаю.

— Как ты здесь оказался?

— Проснулся в земле. Не сразу понял, что нужно делать. Потом услышал тебя.

Ева закрыла рот ладонью. Последнюю ночь она говорила с ним вслух. Сидела на кухне и рассказывала пустому стулу, как ненавидит людей, советующих отпустить. Перед сном сказала: «Если ты где-то есть, вернись. Я отдам что угодно».

Фразы, которые произносят потому, что никто не может исполнить их буквально.

— Что я сказала? — спросила она.

Михаил повторил слово в слово.

Цепочка соскочила с крючка не сразу. Пальцы не слушались. Когда дверь открылась, Михаил остался на пороге.

— Можно?

Это «можно» убедило ее сильнее лица.

Ева кивнула.

Он вошел, вытер ноги и остановился. От него пахло мокрой шерстью, холодной землей и духами, которыми Ева обработала воротник перед похоронами. Она выбирала запах четыре часа, будто правильный аромат мог сделать могилу менее окончательной.

— Ты замерз? — спросила она.

— Не знаю.

Ева коснулась его щеки. Кожа была прохладной, но под ней существовало слабое движение, словно кровь вспоминала дорогу.

Михаил закрыл глаза. Цвет вернулся к его губам.

— Еще, — сказал он.

Она положила вторую ладонь ему на лицо.

Он вдохнул впервые с момента, как вошел.

Этот вдох сломал ее.

Ева обняла его, ударилась зубами о ключицу, заплакала без звука. Михаил держал ее осторожно, не слишком сильно. Он всегда так делал, когда чувствовал, что она может отступить: оставлял в объятии пространство для выхода.

Сердце под пальто не билось.

Через несколько секунд в груди возник один тяжелый толчок.

Потом второй.

— Я люблю тебя, — сказала Ева.

Сердце Михаила заработало.

В шесть утра вернулись еще сто восемьдесят три человека.

К полудню — одиннадцать тысяч.

К вечеру новостные каналы перестали показывать кладбища. Семьи просили не снимать встречи. Церкви открыли двери. Больницы заполнились людьми без дыхания, у которых появлялся пульс, когда к ним прикасались близкие. Самолеты разворачивались над океанами: пилоты получали сообщения от умерших родителей. Из крематориев звонили те, чьи тела не могли вернуться, но голоса звучали в пустых печах.

Позже этот день назовут Возвращением.

Ева запомнила другое.

Когда она отпустила Михаила, чтобы закрыть дверь, его сердце остановилось.

Он улыбнулся.

— Ничего. Оно учится.

Глава 2. Ничем не отличаются

Первые семь дней Михаил был совершенен.

Не в том смысле, в каком мертвые становятся безгрешными в рассказах живых. Он помнил свои раздражающие привычки и смеялся над ними раньше Евы. Оставлял мокрое полотенце на кровати, но через минуту возвращался и вешал. Слишком крепко заваривал чай. Называл соседского шпица «облачным вымогателем». Знал, что Ева не переносит прикосновений, когда режет овощи, и целовал ее в затылок только после того, как нож ложился на доску.

Он не ел. Сидел напротив, пока она завтракала, и говорил, что ощущает вкус, когда смотрит на нее.

— Какой сейчас?

— Хлеб слишком сухой. Масло соленое. Ты притворяешься, что любишь абрикосовый джем, потому что его любил я.

Она выбросила банку и через минуту достала обратно.

Михаил наблюдал без насмешки.

— Не надо выбрасывать все, что осталось от меня.

— Ты остался.

Он задумался.

— Тогда не надо выбрасывать все, что осталось от тебя без меня.

Эта фраза попала в вечерние новости. Ева не знала, что домашняя камера продолжала передавать данные в облако, пока ролик не прислала подруга.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ МУЖ УЧИТ ВДОВУ ЖИТЬ.

За сутки видео посмотрели тридцать миллионов человек.

Михаила пригласили на телевидение. Он отказался. К ним приехали врачи из Института переходных состояний — молодой биофизик Ника Савина и пожилой психиатр Семен Аркадьевич Рут.

Ника подключила датчики. На мониторе сердце Михаила рисовало прямую линию, пока Ева стояла в коридоре. Когда она вошла, линия дрогнула.

— Возьмите его за руку.

Ева взяла.

Пульс — тридцать два. Температура кожи поднялась на два градуса. Зрачки сузились. В крови появился кислород, хотя легкие почти не двигались.

— Теперь вспомните что-нибудь хорошее, — сказала Ника.

— Это не лабораторная команда, — отрезал Михаил.

— Миша, все нормально.

Ева вспомнила, как он учил ее плавать после тридцати: не держал на воде, а шел рядом по дну, притворяясь, что глубже, чем было. Пульс поднялся до сорока восьми.

— А теперь отпустите руку.

— Зачем?

— Нам нужна контрольная точка.

— У вас уже была.

— Ев, — мягко сказал Михаил. — Сделай.

Она отпустила.

Через двенадцать секунд кожа у его ногтей посерела. Еще через десять на нижней губе появилась тонкая трещина.

— Достаточно, — сказала Ева и снова коснулась его.

Трещина затянулась у нее на глазах.

Ника выключила приборы.

— Вы не просто стимулируете функции. Ваше эмоциональное состояние регулирует сохранность его тканей.

— Любовь? — спросила Ева.

Семен Аркадьевич поморщился.

— Не торопитесь давать красивое имя механизму.

— А какое имя дадите вы?

— Устойчивое направленное внимание, привязанность, узнавание, эмоциональная значимость. Но в быту, вероятно, приживется «любовь».

Михаил посмотрел на серые пальцы, которым уже вернулся человеческий цвет.

— Что будет, если она перестанет?

Ника молчала.

Ответил Семен:

— Мы пока не знаем.

— Знаете, — сказал Михаил. — Просто не хотите произносить при мне.

В тот же вечер Всемирная организация здравоохранения ввела термин «ревенанты». В русском языке он не удержался. Их называли вернувшимися, вторыми, любимыми, поздними. Слово «зомби» считалось оскорблением первые две недели.

На третьей неделе появилось первое видео разложения.

Мужчина привязал вернувшуюся жену к батарее и ушел. Камера работала девять часов. Сначала женщина звала его. Потом просила включить телевизор — любой голос. Затем рассказывала анекдоты, которыми когда-то его сместила. На шестом часу кожа стала отделяться от рук. На восьмом она перестала говорить человеческим голосом, но продолжала произносить его имя.

Когда муж вернулся, она восстановилась за семь минут.

Видео удаляли, но оно возвращалось под названием:

МЕРТВЫЕ ЛЮБЯТ ВСЕЙ ДУШОЙ.

Никто не знал, кто его придумал.

Ночью Ева проснулась и увидела Михаила сидящим на полу возле кровати.

— Почему ты не лег?

— Ты отвернулась во сне.

— И что?

Он протянул руку. На двух пальцах отсутствовали ногти. Под ними блестело темное мясо без крови.

— Наверное, приснилось что-то, где меня не было.

Ева прижала его ладонь к груди.

До утра она боялась уснуть.

Глава 3. Центр совместного горя

Через месяц государство открыло Центры совместного горя — для живых и вернувшихся.

Ева пришла туда не за помощью. Она хотела получить разрешение оставить Михаила дома. Новый закон требовал, чтобы каждая пара прошла оценку взаимной безопасности.

В круге сидели восемь человек и пятеро мертвых.

Первой заговорила Лидия Павловна, учительница музыки шестидесяти двух лет. Рядом с ней находился ее сын Антон, умерший в семнадцать. Он выглядел ровно так, как на выпускной фотографии: длинная шея, прыщ у левого крыла носа, рубашка, которую мать не успела выгладить перед аварией.

— Антоша вернулся через двадцать четыре года, — сказала Лидия. — Для меня ничего не изменилось.

— Для меня изменилось, — тихо возразил Антон.

Лидия поправила ему воротник.

— Ты устал.

— Я старше тебя внутри.

Она улыбнулась группе, как улыбаются взрослые детской фантазии.

Рядом сидели Артур и его умершая жена Инга. Артур говорил за двоих. Инга беззвучно следила за его лицом и меняла выражение на полсекунды позже.

— Мы восстановили нормальную семью, — сказал он. — Никаких психологических проблем. Правда, родная?

— Правда, — ответила Инга.

— Я разрешаю ей видаться с сестрой, работать из дома. Мы просто исключили стресс. Ее состояние зависит от моей любви, так зачем провоцировать конфликты?

На шее Инги под высоким воротом темнела полоса разложения.

Напротив сидела шестнадцатилетняя Соня с отцом Денисом. Вернулась не мать, а старшая сестра Полина, утонувшая в двадцать один. Полина держала Сонину ладонь обеими руками.

— Папа не может ее питать, — сказала Соня. — Он злится.

— Я не злюсь.

— Когда тыходишь, у нее останавливается сердце.

Денис посмотрел в пол.

Последней была Тамара, хирург, и ее восьмилетний муж.

Так Ева подумала сначала. Мужчина был взрослым, лет сорока, но сидел, прижавшись к Тамаре, и теребил край ее рукава.

— Лев умер в детстве? — спросила Ева.

— Нет. В сорок три. После возвращения он решил, что если станет беспомощным, я никогда его не оставлю.

Лев улыбнулся.

— Она любит, когда я нуждаюсь в ней.

— Я ненавижу это.

Его улыбка не изменилась, но из носа потекла темная жидкость.

Тамара немедленно обняла его.

— Прости. Конечно, люблю.

Жидкость остановилась.

Ведущая группы Ася Велецкая не записывала диагнозы. Она нарисовала на доске маятник.

— До Возвращения человек переживал утрату, двигаясь между болью потери и восстановлением жизни. Теперь умершие удерживают близких на стороне потери, потому что движение к жизни физически причиняет им вред.

— То есть мы виноваты, что они разлагаются? — спросила Соня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.